

Андрей БЕЛЫЙ

Обломки миров

Александр Блок. Лирические драмы. (Балаганчик. Король на площади. Незнакомка). Изд. "Шиповник". СПб., 1908 {*}

{* Редакция, присоединяясь к мнению автора этой заметки, что драмы А. Блока -- "незаурядное явление нашей литературы", не разделяет всех суждений, высказываемых А. Белым о творчестве А. Блока.}

"Пусть поэт творит не свои книги, а свою жизнь, -- говорит В. Брюсов, -- на алтарь нашего божества мы бросаем самих себя".

"Пусть поэт творит свои строчки, а не свою жизнь, -- как бы возражает ему А. Блок... -- На алтарь Ничего мы бросаем наше божество и себя".

Символ -- соединение; символизм -- соединение образов созидающей воли -- для чего? Все равно, для здешней или будущей, старой или новой жизни, но жизни. Чем глубже внутренний путь, тем новее, загадочней образы, тем более усилий затрачиваем мы, современники, для опознания и переживания созданной ценности: таково было для современников появление "Заратустры".

Но есть символизм и иного рода: соединение обломков когда-то цельной действительности (той или этой), соединение первичных ассоциаций души, безвольно сложившей оружие перед роком.

За первого рода символизмом -- рождающая действительность будущего, предощущаемого, как греза. За второго рода символизмом -- небытие, великий мрак, пустота.

Блок -- талантливый изобразитель пустоты: пустота как бы съела для него действительность (ту и эту). Красота его песни -- красота погибающей души: красота "оторопи", а не красота созидания ценности.

Вот перед нами изящный томик в картонном переплетике; обложка Сомова, как венок из роз, венчает книгу; переверните обложку: вас встретит Предисловие: "лирика не принадлежит... к областям... творчества, которые учат жизни..." Далее узнаем, что переживания лирики хаотичны: чтобы разобраться в них, нужно самому быть "немножко в этом роде"; под обложкой в Предисловии встречает вас пустота мысли. Далее встречает вас ароматный венок самого творчества: символы, как розы, гирляндой закрывают смысл и цельность переживаемых драм; приподымите эту гирлянду: на вас глянет провал в пустоту; грациозно, нежно, трогательно слетают туда образы Блока током розовых лепестков.

Как атласные розы, распускались стихи Блока; из-под них сквозило "виденье, непостижное уму" для немногих его почитателей, для нас, когда-то пламенных его поклонников, встретивших его, как созидателя новых ценностей. Но когда облетел покров с его музыки (раскрылись розы) -- в каждой розе сидела гусеница, -- правда, красивая гусеница (бывают красивые насекомые -- золотые, изумрудные жуки), но все же гусеница; из гусениц вылупились всякие попки и чертенята, питавшиеся лепестками небесных (для нас) зорь поэта; с той минуты стих поэта окреп. Блок, казавшийся действительным мистиком, звавший нас к себе поэзией, превратился в большого, прекрасного поэта гусениц; но зато мистик он оказался мнимый. Но самой ядовитой гусеницей оказалась Прекрасная Дама (впоследствии разложившаяся на проститутку и мнимую величину, нечто вроде "-1"); призыв к жизни (той или этой -- вообще новой жизни) оказался призывом к смерти.

Но далее: Блок стал еще более совершенным техником, а Незнакомка, Смерть, жизнь, проститутки, рыцари, кабачки -- все, к чему ни касался Блок, превращалось в изящный, как изящная виньетка, покров над... чем? И вот в "драмах" оказалось, что это "что-то" есть... большое "Ничто". Сначала распылил мир явлений, потом распылил мир сущностей. "Драмы" Блока -- обломки рухнувших миров (того и этого), как попало соединенные в своем полете в пустоту: здесь к реальному образу приставлена голова Небесного Виденья, там к образу Виденья приставлена голова восковой Клеопатры или чертяки, или даже голова из сыра "бри" -- все равно: ведь сила своеобразной прелести рыдающих драм Блока (которые рыдают всем, чем угодно: Бетховеном, комаринской и т. д.) в том, что в них нет ничего, они -- ни о чем: "ряд встающих двойников -- бег предлунных облаков". Лирика Блока, разорванная в клочки драма, не перешла в драму; драма предполагает борьбу или гибель за что-то: в драмах Блока гибель; ни за что ни про что: так, гибель для гибели. Лирика разорвалась и только: и все просыпалось в пустоту. Мы читаем и любимся, а ведь тут погибла душа, не во имя, а так себе: "ужас, ужас, ужас!"

Без связи, без цели, без драматического смысла, мягко струит на нас гибнущая душа ряд своих